

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ПАНЬКИНА

Утро выдалось морозное, ясное. Сидеть в кабинете и вдыхать пыль с чужих рукописей, большинству из которых не суждено стать книгами, не хотелось, и едва выдалась возможность, я ушел на полдня, и вернулся к обеду, оживший, раскрасневшийся, и в коридоре издательства встретил Ивана Федоровича Панькина. Он был в черном костюме, в коричневом свитере под горло, с орденской колодкой на груди. Так Иван Федорович одевался лишь по большим праздникам да на свои творческие вечера. А их у него в жизни было столько, что пальцев на одной руке вполне хватило, чтобы пересчитать.

— Саша! — почти выкрикнул он, — ну куда же ты пропал?

Еще не понимая, что произошло, я торопливо открыл кабинет и, раздеваясь, обеспокоенно посматривал на Панькина.

Он присел и тут же вскочил.

- Пошли скорей ко мне, я все принес.

«Что случилось, что принес?»

— недоумевал я, но была в голосе Ивана Федоровича какая-то особенная, торжественная нетерпеливость. Я невольно подчинился ей и пошел за ним.

В комнате, где располагалась писательская организация, Панькин, как уполномоченный Литфонда, имел свой стол. Он стоял напротив стола секретарши. Иван Федорович вытащил из ящика стола три записные книжки, разложил их и жестом указал мне на диван.

— Садись и слушай. Вчера я прочитал отрывок из твоей повести, и в нем услышал твой голос. Пришел домой, и, знаешь, он все звучит и звучит, да так явственно, как еще ни в одной из твоих прежних вещей не звучал. Я испугался, как бы ты не потерял его. У меня такое было. Знаешь, это очень страшно. Я тогда работал настройщиком на радио заводе. Ребята собирали магнитофонные приставки, и я себе собрал. Как-то пришел до мой после смены, включил приставку и под настроением наговорил рассказ. Утром слушаю и ушам своим не верю: неужели я его сочинил? Это была «Легенда о матерях». Вслед за ней я быстро написал еще с десятков рассказов. Их издали отдельной книгой. Но живой среди них была только «Легенда». Я долго бился, мучился и не понимал, что же со мной произошло? Начали поговаривать, что Панькин исписался, что он — автор одной легенды. Я тогда уже закончил Литературный институт и по старой памяти, а вернее потому, что места себе не находил, часто навещал бывших сокурсников. Жизнь разметала их по разным местам. Как-то заехал к одному приятелю. Писателем он не стал, зато вышел в большие начальники. Устроил себе дома прекрасный кабинет. В центре поставил массивный стол со множеством ящиков и ящичков, с тяжелым бронзовым письменным прибором. Все стены сплошь заставил книжными шкафами.

Поговорили мы о жите-бытье, он позавидовал моим книгам. Хотя мысленно, и я это чувствовал даже кожей, он то и дело невольно сравнивал свою богатую жизнь с моей, малоденежной и неопределенной. И все же ему хотелось стать писателем, не зря же он столько лет учился в Литературном

институте, но, глядя на мой потрепанный портфель, потертый пиджак, он чувствовал свое неоспоримое превосходство и даже жалел меня.

Но наступил такой момент, когда мы оба поняли, что говорить нам больше не о чем. Я взял с полки несколько книг, полистал; в одной меня поразила первая фраза: «Ох и бедная же была наша школа, где я научился грамоте! Совсем как в сказке: ни окошек, ни дверей.,,». Рассказ был невелик, я быстро прочел его и вздрогнул, потому что в это мгновение вдруг понял, чего мне не хватало все эти годы.

— Послушай, — сказал я сокурснику, — подари мне эту книгу.

Он посмотрел на ее золоченый корешок, потом на меня.

— Я собирал книги с таким трудом. Они мне все, как родные.

— Завари мне чаю, и покрепче, — попросил я.

А когда он ушел, я кинулся к его столу, схватил тонкие блестящие ножницы и со словами: «Будь что будет!» вырезал рассказ из книги.

Пока ехал домой в тесной, душной электричке, я перечитал его несколько раз. У меня словно глаза открылись заново. За каждой строкой, за каждой фразой мне виделись все новые и новые горизонты, и уже иначе видел я себя, чувствовал душевные силы, и знал этот рассказ почти наизусть. Он мне помог написать легенды о тульских мастерах. Но все же все эти годы меня мучила совесть, что так вот, бесцеремонно, вырезал из книги бывшего однокурсника несколько страниц. Конечно, этот рассказ сослужил мне большую службу, можно сказать, выстроил судьбу, но все же я решил съездить к приятелю и повиниться.

Он встретил меня все так же радушно, стал накрывать стол. А я все посматривал на него и ждал, ну как сейчас скажет:

— Что притих, Иван? Помнишь, как испортил мне книгу?

Он же открывал консервы, бегал к плите, и все рассказывал, рассказывал о службе, о недавнем разговоре с министром... Я подошел к книжной полке, увидел знакомый золоченый корешок и с затаенным страхом спросил: давно ли он читал эту книгу?

— Ну что ты, Иван, — засмеялся он в ответ, — я новые то книги читать не успеваю. А до тех, что на той полке стоят, руки не доходят.

На душе у меня стало весело и спокойно.

Этот маленький рассказ и потом долгие годы был самым моим лучшим помощником. Сейчас я уже старый. У меня осталось всего три записных книжки. В двух — материалы к новым легендам. Хочу написать целую книгу легенд о матерях. С любви к ним, как ты знаешь, начинается любовь к Родине. И еще — легенды об обороне Севастополя. Надеюсь, что успею написать все. А чистую записную книжку я передаю тебе. На первую страницу я наклеил тебе рассказ Моро, на вторую — фотографию из газеты. Видишь, маленькая девочка-гимнастка, глядя на выступление именитых соперниц, с ужасом закрыла лицо руками. Ей даже подумать страшно о том, что у нее когда-нибудь получится не хуже. На третью страницу я наклеил репродукцию с картины «Дионисий с сыновьями собирает краски». К любому делу в жизни надо основательно готовиться. Только тогда на смену робости приходит уверенность в своих силах.

Эти фотографии, как и рассказ, долгие годы лежали на моем письменном столе. А вот сюда, ты уж прости мою стариковскую слабость, — Иван Федорович немного смутился, — я приклеил портрет из своей книги. Ведь скоро меня не будет...

Теперь я никогда не расстанусь с записной книжкой Панькина. Она была со мной на Урале, на Кавказе, в Прибалтике... Золотое тиснение на ней стерлось, потускнело, поскольку каждый раз, садясь за письменный стол, я перелистываю ее страницы.

Я хорошо помню, как подучив ее, долго не мог писать, а все написанное ранее казалось мальчишеством, забавой начитанного человека. Потом я открыл первую страницу, и меня, как и юную гимнастку, охватила робость. Я закрыл книжку и снова открыл ее — с доброй, чуточку ироничной улыбкой на меня смотрел Иван Федорович Панькин: «Не робей. Каждый мастер, начиная новую работу, чувствует себя беспомощным учеником. Ты сначала подбери нужные слова, нужные краски...» Я подвинул поближе стопку чистой бумаги и написал этот рассказ, в котором не придумал ни одного слова.

Александр ЖУКОВ.

Тула.